
М.С. Бирман (1928–2009)

I. Выступление на мемориальном заседании городского семинара по математической физике им. В.И. Смирнова, 16 февраля 2004 г.

Ну, наверное, и я должен что-то рассказать. Тем более, что я много лет провёл с Ольгой Александровной бок о бок. И хотя я не был её учеником и не был её соавтором, но мы были всё время в определённом смысле в связке. Я очень многим ей обязан по-человечески, и в первую очередь тем, что мне удалось попасть на кафедру физического факультета через шесть лет после окончания университета – это была её настойчивость.

Немного про ранний период – может быть, это уже прозвучало в каких-то воспоминаниях. Кто знает, а кто нет, что Ольга Александровна соприкасалась с Ленинградом дважды. Первый раз это было до войны. В 37-м году её отец, который был учителем в Кологриве, был репрессирован (это такой эвфемизм, проще говоря, убит). И она была дочерью «врага народа». Но тогда технология ещё не была доведена до такого совершенства, как стало несколько позже. Она приехала поступать на математику в Петербург, если я не ошибаюсь, в 39-м году. В университет её не взяли по указанной выше причине, но взяли в Педагогический институт имени Покровского. Тогда у нас было два педагогических института – имени Герцена и имени Покровского, потом они были объединены. Институт Покровского считался несколько пониже.

И по рассказам, которые до меня доходили, Ольга Александровна там училась очень успешно и очень заметно. Она на всех лекциях сидела на первой парте, и ежели лектор был в себе не уверен, то от неё ему было плохо. Она, так сказать, могла и «посадить в лужу». И не избегала этих ситуаций – она была не столь уж добрая. Это вот последние десятилетия её жизни она сильно помягчала, а в молодости она была довольно задорная и довольно в определённом смысле безжалостная, если надо. Если она считала, что это в интересах того дела, которому она себя посвятила, или если она вообще считала по тем или иным причинам, что человек нехороший.

Когда началась война, Ольга Александровна вернулась в Кологрив, где до 43-го года учительствовала. Она преподавала математику в старших классах школы, которую сама же и закончила и в которой работал её отец до того.

Я не знаю, почему вообще Кологрив... Дело в том, что её дед¹⁾ – это довольно известный художник с той же самой фамилией, не первого ряда, но тем не менее его имя связано с Петербургской Академией художеств. Её отец был офицером русской армии. По-видимому (это уже вычисление), в летописи семьи была романтическая история, потому что этот офицер русской армии был женат на эстонской девушке. Анна Михайловна, мать Ольги Александровны, которую я тоже достаточно хорошо знал, была эстонкой, и акцент у неё был слышен до конца её дней. И есть у меня подозрение (поскольку русских офицеров истребляли не один раз – кампаний было много), что, может быть, он думал, что в Кологриве семью не тронут. До какого-то времени его расчёт оправдывался, но когда уже была в каждое место спущена разрядка, то он оказался очень подходящим.

Но вернёмся к Ольге Александровне. В 43-м году она сумела поступить в Московский университет²⁾, потому что по условиям военного времени там были разные послабления. Я бы даже не сказал, что это были послабления, которые были сознательными, а просто не до всего руки доходили. Но дальше я боюсь, что начну путаться в годах. У меня где-то это записано, но вот сейчас я на память не помню. Она, кажется, года за четыре закончила университет и сделала у Ивана Георгиевича Петровского прекрасную работу по теореме единственности для параболического уравнения. И вообще она впитала московский дух. Она ходила на семинар Гельфанда. Вот то, что она потом называла вторым основным неравенством, – это одна из задач, которую она услышала от Гельфанда на семинаре. Одним словом, когда она попала в Петербург, то она привезла туда культуру функционального анализа и культуру уравнений в частных производных в московском духе, которую там в большой мере определял Петровский, её учитель.

Переехала она в тогдашний Ленинград по такой романтической причине, что Андрей Алексеевич Киселёв, специалист по теории чисел, увидел её в Москве³⁾ и дальше уже жизни без неё себе не представлял. Он ездил в Москву чуть ли не через день и наконец её уговорил переехать в Ленинград. Она, разумеется, должна была поступить в аспирантуру. Ну вот она и поступила в аспирантуру на математико-механическом факультете, и её руководителем был Сергей Львович Соболев. И тут надо сказать, что на ней пересеклось то, что в Москве было хорошо представлено, –

¹⁾ Имеется в виду Г.А. Ладыженский (1852-1916) – академик Императорской Академии художеств, двоюродный дед О.А. – *Прим. ред.*

²⁾ О.А. была зачислена на 2-й курс мехмата МГУ и защитила диплом в 1947 году. – *Прим. ред.*

³⁾ А.А. Киселёв был знаком с О.А. ещё до войны – он был её преподавателем в пединституте им. Покровского. – *Прим. ред.*

функционально-аналитические методы и просто хорошее владение классической теорией уравнений в частных производных – с тем, что выросло в Петербургской школе (в основном благодаря Соболеву): то, что мы теперь называем теоремы вложения, обобщенные решения, решение краевых задач на этой основе.

В Москве эту деятельность не очень-то признавали и даже относились к ней довольно презрительно. Вот для того, чтобы это подчеркнуть... Уже в довольно позднее время, когда уже был образован журнал «Функциональный анализ»⁴⁾, мне передавали (сам я там не был) сценку, которая была на редколлегии этого журнала. Израиль Моисеевич Гельфанд (он был главным редактором, а его заместителем тогда был Арнольд) объяснял, что «...наш журнал не печатает работ по спектральной теории». Бог ему судья – печатал, конечно. Дальше он сказал: «Наш журнал не печатает работ по теоремам вложения» и обратился к Арнольду:

– Владимир Игоревич, Вам когда-нибудь приходилось в ваших работах использовать теоремы вложения?

– Никогда, Израиль Моисеевич, – последовал ответ.

– Ну вот видите...

Но, конечно, как всегда, в такого рода противоречиях вместо «или» надо ставить союз «и». И судьба предоставила Ольге Александровне шанс использовать именно этот союз.

И она оказалась довольно последовательной ученицей Сергея Львовича Соболева. Хотя нельзя сказать, что их отношения были безоблачными. Она довольно быстро освоила эту технику, которая шла от Соболева, довольно успешно её продвинула, развила. Одним из первых её шагов (вот Василий Михайлович упоминал об этом) было то, что она перенесла этот аппарат на функции, заданные на решётке, то есть в методе конечных разностей применила те же самые понятия. И довольно быстро стала продвигаться в науке, и уже достаточно самостоятельно.

Но тут надо сказать несколько слов о том, как была устроена эта наука на математическом факультете в то время. Кафедры математической физики в то время не было на математическом факультете. Была кафедра дифференциальных уравнений, но эти уравнения были только обыкновенные. И просто там держали одного доцента – его имя тут упоминалось, Волков Даниил Макарович, – который читал курс уравнений в частных производных и даже пытался что-то делать в этом направлении. Это было и несовременно – то, что он делал, и не очень успешно. И я о нём вспоминаю сейчас только потому, что Ольга Александровна немедленно с

⁴⁾ Точное название журнала – «Функциональный анализ и его приложения». – *Прим. ред.*

ним столкнулась. Опять же, Василий Михайлович упоминал, что Николай Павлович Еругин⁵⁾ был очень заметной фигурой в математическом мире. Это верно, но всё-таки требует хотя бы небольшой и по возможности корректной расшифровки. Он был очень влиятельной фигурой. А влияние своё использовал не во благо науки в целом. Он сам назначил себя наследником Александра Михайловича Ляпунова, что ни в какой мере не было адекватно. Но задевать его никто не решался – он сам мог задеть кого угодно. Одним словом, наши любимые профессора были запуганы этими людьми и пребывали в этом состоянии. И тут появилась Ольга Александровна, как тот мальчик из сказки, которая сказала: «Король-то голый!» Вот тогда уже можно было оценить масштаб её личности.

Началось это указание на «неодетость» с Даниила Макаровича Волкова. Произошёл скандал, в результате которого по окончании аспирантуры на кафедре дифференциальных уравнений для неё, конечно, места не нашлось. Но другого места на математическом факультете не было как бы по природе вещей – не было, как я говорил, кафедры, где изучались бы уравнения в частных производных или какие-то другие вопросы, связанные с математической физикой. И, на счастье физического факультета, Владимир Иванович Смирнов, который заведовал в том числе кафедрой высшей математики на физическом факультете (она тогда так называлась), перевёл её туда.

(Реплика В.М. Бабича: Там ещё был период, когда она была на кафедре общей математики, по-моему. Преподавала на химическом факультете). Василий Михайлович, может быть. Возможно, что я спрямляю, но я не все детали помню. Но в итоге она попала на физический факультет и была выведена из-под удара. А потом обстоятельства уже складывались так (я здесь не буду входить в подробности), что вот это самое, что «король голый», повторилось в большем масштабе уже в случае Еругина. И можно было только удивляться, как дочь «врага народа» могла себе позволять в первые послевоенные годы вот такую безоглядность, я бы сказал. Можно употреблять слово «смелость», но мне больше нравится то, которое я произнёс. И что вы думаете – таки не выдержали эти люди! Еругин уехал в Минск, ну, а с Волковым вообще случилось какое-то несчастье. Но я в подробности входить не буду – я их знаю, но не буду. И настоящая школа уравнений в частных производных стала развиваться на физическом факультете.

Надо сказать, что и на физическом факультете Ольга Александровна, которая была всего-навсего ассистентом, тоже доставляла начальству разные неприятности. Тогда совсем не было принято называть белое белым,

⁵⁾ Н.П. Еругин (1907-1990) – в то время заведующий кафедрой дифференциальных уравнений мат-меха ЛГУ; в 1953-1957 гг. – директор ЛОМИ; с 1956 г. – академик АН БССР. – *Прим. ред.*

а чёрное чёрным. Наоборот, была целая система всяких эвфемизмов – всяких неправильностей в понимании того, что есть что. А она не желала с этим считаться. И начальство очень кряхтело от неё. Но на её примере я понял такую вещь, которую в книжках было не прочитать и от родителей тоже не услышать. Оказывается, если с самого начала покажешь, что на тебя где сядешь, там и слезешь, то потом будет легче – будут считаться. Любить-то не будут, так её-таки начальство на физическом факультете и не любило. Но будет легче, потому что заранее будут прикидывать, как она себя поведёт.

Но и на физическом факультете (несмотря на то, что для физического факультета Ольга Александровна сделала очень много) она осталась недолго, а сначала перешла на полставки вот в это учреждение, в котором мы сейчас собрались⁶⁾, подав на конкурс, который был открыт совсем для другого человека. Человек этот ни в чём не виноват, это почтенный человек, но, конечно, ему сравниваться с Ольгой Александровной по научной силе было совершенно невозможно. А потом она перешла сюда уже на основную работу, а на физическом факультете осталась совместителем и долгое время читала целый ряд специальных курсов, которые сама и выстроила. Поэтому то, что мы здесь в Петербурге имели как бы с самого начала, – этого в других местах не было. И все вы, кто у неё учился так или иначе, дышали этим как воздухом, который есть везде. А это вовсе не так – не везде был этот воздух.

Ну, это как бы внешняя канва её биографии. Теперь немножко о другом. Я думаю, что все согласятся со мной, что влияние просто того, что Ольга Александровна есть, для каждого было ощутимо – для одних больше, для других меньше. Так сказать, вот что-то пишем, а Ольгу Александровну держим в уме. Это было, правда? Она создавала вокруг себя какое-то поле. И была она человеком необыкновенным в очень многих отношениях. Я лично с ней общался близко, так что у меня много всяких воспоминаний о ней. Рассказывать про всё практически невозможно, да и не всё сразу вспомнишь. Но совершенно определённо, что она вела себя каждый раз так, как она хотела, как она ощущала. Она не подлаживалась. Достоинство это или недостаток – на это можно смотреть по-разному, но она была очень цельным человеком и каждый раз была сама собой. А вот с какого боку вы при этом зашли для контакта с ней – это могло быть очень даже по-разному. Как я уже говорил, начальство от неё обычно испытывало неприятности. Но в то же время, если речь шла не о профессиональной деятельности и не об отношениях в профессиональной среде, а просто как человек с человеком, она была мягкой, приветливой, гостеприимной и даже доброй.

⁶⁾ Имеется в виду ЛОМИ (с 1992 г. – ПОМИ РАН). – *Прим. ред.*

Если она к человеку относилась с доверием и хорошо. Но если она кого-то подозревала, например, в стукачестве (чтобы не было недомолвок), то с этим человеком она была беспощадна в оценках, в поступках, и так далее. Примеров приводить не буду.

Она была жадная до жизни. Ей надо было водить машину, спускаться с гор на лыжах (что было в её случае небезопасно), она ходила в водные походы, она ходила в пешие походы... Ну давайте, для того, чтобы отойти от общих слов, я вам расскажу один эпизод. Мы группой были на Байкале в самостоятельном походе – Ольга Александровна, я... Из известных вам людей ещё были Всеволод Алексеевич Солонников с женой и Михаил Захарович Соломяк с женой. Вот такая компания. Тогда ещё не было запрета на самостоятельные походы, и мы в том числе высадились на острове Ольхон. Есть такой остров на Байкале, вытянутый вдоль Байкала и отделяющий так называемое Большое море от Малого моря. В Малом море вода ещё сколько-то прогревалась, Большое море очень холодное. Этот остров имел сброс к Большому морю – несколько сот метров сравнительно отвесной скалы. Населённая часть там была очень небольшая, на берегу Малого моря, и мы там стали лагерем. А потом с Солонниковым пошли к Большому морю по компасу (потому что дорог там, начиная с некоторого места, уже просто не было) и дошли до берега. Вниз мы не спускались с этого откоса, но видели всё – это было очень красиво. А по дороге надо было спуститься в лощину и потом подняться. Ну, естественно, на обратном пути тоже. И идти всё время надо было только по азимуту. Слава богу, там не было болот и идти было, в общем, можно. Вот мы с ним проделали этот путь туда, потом кое-как обратно. А потом мы дважды водили туда экскурсии из оставшихся. В одну из этих экскурсий пошла Ольга Александровна. Вот мы пришли к этому Большому морю. Потом надо идти обратно. Я уже сказал – идти надо по азимуту. Вот идём, спустились в лощину, дальше надо подниматься. Но если немножко забирать вправо, тогда этот подъём становится менее крутым, но просто он тогда не туда идёт. И Ольга Александровна (потом-то я понял, в чём дело, когда ей делали операцию на сердце) забирал вправо, хоть ты с ней что делай! Приходилось её брать за руку и тащить, чтобы она всё-таки шла туда, куда надо. Но тем не менее она пошла, и тем не менее она такое насилие над собой разрешила, и мы благополучно пришли из сравнительно сложного путешествия в лагерь.

Что бы я ещё хотел о ней сказать? У неё, разумеется, не было никакого комплекса неполноценности ни в каком виде. Она с самого начала считала себя свободным, внутренне раскованным человеком и легко вступала в общение с теми людьми, которые ей казались (может быть, даже издали) интересными. Так, она сама пришла к Ахматовой... Ну, никому из

нас в голову не приходило, что можно прийти к Ахматовой просто познакомиться и сказать: «Давайте дружить». Или просто начать дружить – я уж деталей не знаю, но Ольга Александровна была близка с Ахматовой, чему есть даже стихотворное подтверждение: один из сонетов посвящён Ольге Александровне Ладыженской.

Она свободно и спокойно пришла к Фоку⁷⁾ и объяснила ему, что вот она такая-то, вот этим занимается и хочет быть в контакте. У неё и это получилось, но дальше произошла характерная вещь (я пытаюсь не быть иконописцем в этих воспоминаниях). Она оказалась не удовлетворена тем, как, по её мнению, недостаточно математически культурно исследовались математические вопросы теории дифракции, и стала это мнение выражать не стесняясь. И даже поставила одного из своих аспирантов, а именно Владимира Савельевича Буслаева, на то, чтобы показать, как надо. Я прямо скажу, что не считаю такого рода линию поведения оптимальной. Но так было. И в конечном счёте это оказалось полезным для дела, несмотря на то, что было сопряжено с разными личными напряжениями. В частности, Ольга Александровна лишилась благоволения Владимира Александровича Фока на этом деле. Но вот как она считала нужным, так она и делала.

Когда она только приехала в Ленинград, она сразу для себя отметила Владимира Ивановича Смирнова и стала близким человеком ко всей его семье. Я думаю, что это достаточно характерные вещи – можно было бы привести ещё примеры на эту же тему.

Ольга Александровна интересовалась разными видами искусства, и её не останавливало то, что она, может быть, не очень понимает. Меня бы это останавливало (и даже без «бы»). Но опять-таки в результате какие-то стороны, какие-то потребности её души как-то удовлетворялись, и от этого ей было лучше, и может быть, и всем в какой-то степени.

Я бы мог говорить о ней ещё долго. Вот я уже коснулся того, что она в молодости была просто совершенно неотразима в понятном вам смысле, и я знаю не одну жертву этого обстоятельства. Но опять-таки имён я называть не буду. Во всяком случае, один очень известный математик сказал о ней после того, как послушал её доклад: «Она изнутри светится!» Вот в последний период, будем говорить, она уже была для многих из нас мэтром. А тогда она была молодой, начинающей, очень успешной и, видите ли, изнутри светилась...

Ну вот, я думаю, что я говорю слишком долго, и, пожалуй, на этом своё выступление закончу.

⁷⁾ В.А. Фок (1898-1974) – выдающийся советский физик, академик АН СССР. – *Прим. ред.*

Я позволю себе одно отрывочное воспоминание, которое касается Ольги Александровны как бы косвенно. Вскоре после окончания университета (я закончил университет в 50-м году) я пришёл на 10 линию по каким-то формальным делам в деканат, который помещался на первом этаже. И он же играл роль преподавательской. Там несколько профессоров разговаривали «за жизнь». И, между прочим, прозвучала мысль, что математика – наука изначально мужская.

А мы все тогда уже были под влиянием обаяния Ольги Александровны. Там всё смешивалось вместе, потому что... Кто помнит – тот помнит, а для тех, кто этого не видел сам, я скажу, что Ольга Александровна была очень привлекательная женщина, и это сказывалось, может быть, даже затрудняло её контакты с некоторыми математиками.

Эту фразу насчёт преимущественной роли мужчин в математике произнёс Юрий Владимирович Линник. И что-то меня подмыло. Я не знаю, знали ли они вообще, кто я такой, но я подбежал и сказал: «Ну как же так, а вот Ольга Александровна Ладыженская...» На что Линник, посмотрев на меня, я бы сказал, доброжелательно и улыбнувшись, сказал: «Ну, это исключение, которое только подтверждает правило». Так вот я хочу сказать, что Ольга Александровна очень много сделала для того, чтобы таких исключений было всё больше, и это тоже одна из её ролей.

Я добавлю один эпизод. У Ольги Александровны, когда она жила на 7-й Красноармейской, я встречал неухоженного старого человека в валенках (тогда мне казалось – старого, я думаю, что теперь я бы так не сказал). Он к ней зачем-то приходил, она его как-то привечала. Сначала я не спрашивал, а потом всё-таки спросил – кто это такой, Ольга Александровна, что он к вам ходит? И тогда она мне рассказала, что это какой-то бомж, и что совсем недавно был такой случай: он пришёл к ней... Дальше следуют очень неаппетитные подробности, но без них эпизод теряет смысл. Валенки у него были мокрые, в моче, снять их было невозможно (это по её рассказу, я этого эпизода сам не видел), и она взялась его раздевать. То ли она их стащила, эти валенки, то ли она их разрезала – это я сейчас не могу сказать. И она говорит: «Меня вырвало от всего этого, но в общем как-то я его привела в порядок».

А дальше было так: я её спросил – не помню, тогда же сразу или потом уже (Ольга Александровна, как многие знают, была человек верующий): «Ольга Александровна, Вы всё это делали Бога ради или для человека?» Потому что для меня это было, сознаюсь, невозможным делом, если бы это не касалось близкого человека. Интересен не только ответ, а то, что она, прежде чем ответить, задумалась. Потом сказала: «Знаете, пожалуй, всё-таки ради человека».

II. Выступление на заседании Санкт-Петербургского математического общества, посвящённом памяти О.А. Ладыженской, 16 марта 2004 г.

Наверное, из тех, кто работал с Ольгой Александровной бок о бок, я теперь уже старший – из тех, кто остался. Я хочу вспомнить немножко о том времени, когда Ольга Александровна появилась у нас (я тогда учился на мат-мехе), и в какой обстановке это было, и как мы на неё реагировали. Время это было – конец сороковых годов, только что прошла война. Математический факультет в то время был очень сильным, надо сказать, но за счёт старых профессоров – тех, кто пережил войну. А остальных – тех, кто был моложе, – как говорится, «повыбило железом». Поэтому возникла какая-то пауза в математической преемственности. И в это время как раз Ольга Александровна была чуть ли не единственным активным представителем сравнительно молодых людей. Это уже потом стали подрастать другие, и смена появилась. Тем самым и традиции были восстановлены, и, как говорится, связь времён восстановилась.

Влияние Ольги Александровны было с самого начала очень острым (может быть, это более точное слово, чем если просто сказать «большим»). На неё сразу обратили внимание наши учителя – и как на учёного, и как на человека. И, может быть, самым главным из тех, кто её поддерживал и создавал ей такую человеческую защиту, был Владимир Иванович Смирнов, с которым она была в очень большой дружбе до самой его кончины.

Ольга Александровна вела себя, я бы сказал, в основном одинаково – и тогда, когда она была аспиранткой, и тогда, когда была академиком. Конечно, это не надо понимать буквально, но в то же время в этих словах что-то есть.

Я говорил, что математический факультет был сильным, но надо сказать, что там объективно была некая лакуна: уравнениями в частных производных в то время на математическом факультете систематически не занимались. Кафедра дифференциальных уравнений (это осталось так и до сих пор) была кафедрой обыкновенных дифференциальных уравнений со своей специфической тематикой. Это не значит, что не было людей, которые занимались уравнениями в частных производных – они были. Здесь надо и самого Владимира Ивановича Смирнова назвать, и вспомнить Соломона Григорьевича Михлина, Хаима Львовича Смолицкого, Льва Наумовича Слободецкого... В общем, какой-то слой людей, которые хотели бы этим заниматься, был. Но это был такой рассол, в котором ещё кристаллизация не произошла. Надо было, чтобы туда упал кристаллик, и

тогда бы всё совершилось. Этим кристалликом была Ольга Александровна. Под её психологическим нажимом появился семинар по уравнениям в частных производных. Правда, его называли семинаром по математической физике, так же как потом и вновь образованную кафедру на математическом факультете так называли. Но это не вполне адекватно. На самом деле это был семинар, который в основном был посвящён уравнениям в частных производных, теории краевых задач, со временем и спектральные вопросы там появились. Но это в основном была деятельность многомерная.

Семинар в очень большой степени существовал, и работал активно и успешно, и стал привлекать молодёжь (в то время молодёжь) именно благодаря её активности, её научным заслугам, научному вкусу и интересу, и благодаря её личному обаянию – это тоже нельзя сбрасывать со счетов. Семинар этот, может быть, сейчас уже не тот, что был во времена его расцвета, но тем не менее это устойчивая организация научная. Он продолжает работать, и до самого последнего времени Ольга Александровна в его работе не просто принимала участие, а руководила семинаром.

Ольга Александровна создала знаменитую школу, и тут я хочу перейти к её личностным свойствам. Она была хорошим учителем для тех, кто был способен и кто очень хотел. Но она не была нянькой. Поэтому не всегда всё складывалось у тех, кто к ней приходил, удачно. Но её, так сказать, удачные случаи хорошо всем известны, и небольшой части и то бы хватило.

То, что я сейчас говорю, – это некая информация. Для тех, кто помнит те времена, это всё самоочевидно. Но теперь у нас много молодых людей, для которых Ольга Александровна – это некое знамя, некий символ, но конкретно они мало что знают. Так как я знал её в течение многих лет, и знал достаточно близко, я хочу что-то сказать о ней как о человеке и о её роли именно как человека. Она безусловно оказывала на всех, с кем она имела какие-то дела, очень сильное влияние. Более того, она создавала вокруг себя какое-то особое поле и поэтому оказывала влияние и на тех, на кого вовсе не имела в виду это влияние оказывать. За счёт чего же это создавалось? Я бы сказал, что за счёт её самобытности, цельности и, может быть, какой-то противоречивости. Про неё нельзя говорить так, чтобы... в общем, иконописью заниматься – это значит не передать никакой информации. Она была очень самобытна. Никогда не щадила никакого начальства, надо сказать. И начальство заранее знало, что удобно с ней не будет. Её личные качества одни могли воспринимать как очень хорошие, а другим могло это и не нравиться. Но она всегда была сама собой. И это было, как говорится, с начала, с тех пор как мы её узнали, до её кончины.

Иногда она давала повод более ординарным людям (вот всем нам остальным) как бы с улыбкой смотреть на то, что она говорит или на то, что она делает. Но иногда бывало и так, что вещи, которые казались безнадежными, безумными, – какие-то проекты, попытки кого-то защитить, что-то устроить и так далее – проходили благодаря ее напористости и некой неожиданности её шагов. А также умению говорить вслух то, что, как все хорошо понимали, говорить было вслух нельзя. Ну вот объявить в тех или иных условиях, что король на самом деле голый, она вполне могла в самых разных случаях.

У Ольги Александровны был очень широкий круг интересов, круг знакомств. При этом у неё не было какого-то комплекса неполноценности. Она могла установить контакты с Ахматовой (и эти контакты переросли в какую-то близость), с Солженицыным, с искусствоведами, с художниками, со скульпторами... Это всё она делала свободно, и у неё не было таких мыслей, что, мол, «Кто они, а кто я?», которые удерживают большинство из нас от такого рода поступков. Но я думаю, что она имела на это право. Она действительно была исключительным человеком, исключительной личностью. Она это сознавала, и это ей шло, надо сказать.

У неё было какое-то острое чутьё на всё элитарное. Среди её знакомых – как в математике, так и не в математике – были люди, которые и в самом деле были замечательными. И она их умела находить, устанавливая с ними контакты. Вместе с тем она была человеком демократическим. То есть к людям, которые в профессиональном отношении далеко не были ей равны, если они, как говорится, не запрашивали лишнего, она относилась очень по-доброму и деликатно. Но вот если что-то в этом смысле было непропорционально, то тогда реакция могла быть очень резкой и обидной.

Ну что ещё рассказать, чтобы это не пропало для истории? Иногда она вела себя по-детски. Ну вот такой пример: на машине Виталия Ивановича Очкура мы ездили как-то под Лугу за грибами. Ночевали в избе на полу, потом рано встали и пошли – ну, куда нас послали, туда мы и пошли. Сказать, чтобы грибов было уж очень много в тот раз – нет. И Ольга Александровна бедная как-то не находила грибов. Тут уже тема грибов упоминалась, так вот я хочу сказать, что хороших грибов (ей всегда были нужны самые лучшие, значит, нужны были белые грибы) не находилось. Ну вот она как-то со мной пересекалась и стала жаловаться, что «нету тут белых грибов, Миша, и как же так?», заглянула ко мне в корзинку, погрустнела... Я говорю: «Почему, Ольга Александровна, тут нет? Вот! Вот гриб!» Она говорит: «А я его видела!» Ну берите, раз Вы его видели... «Да, – говорит, – я его видела!» Я говорю: «Ну а вот этот Вы тоже видели?», – показываю на другой. Она так: «Ми-иша!»... Пришлось ей отдать и этот гриб тоже.

Для чего я это рассказываю? Ну, может быть, тогда можно почувствовать аромат этой личности, которая иногда была очень твердой, иногда была излишне твёрдой – так тоже бывало, иногда воевала за приоритет и портила настроение себе и другим, хотя заведомо было ясно, что это всё пустые хлопоты. Надо сказать, что она обычно была права. Она меня даже иногда привлекала к исследованию этих случаев. По делу она была права, но, как говорится, овчинка выделки не стоила.

Я бы мог говорить долго, вспоминать разные случаи, но, наверное, не надо затягивать. Кое-что я всё-таки добавлю в профессиональном отношении. Ольга Александровна не только фактически создала семинар, но она установила высокий стандарт. То, что стандарты – по защитам (первой и второй), по другим каким-то критериям формальным – имеют склонность сами понижаться, автоматически (энтропия растёт), – это мы все знаем. Значит, для того чтобы это движение повернуть вспять, нужны какие-то очень большие усилия и очень большие личные затраты. Так вот, ещё в самом начале работы семинара Ольга Александровна сумела эти стандарты очень повысить. Иногда она даже перегибала палку, как показывало последующее развитие. Но в целом, я бы сказал, что это главное наследство, которое она нам оставила. И которое сама стала в какой-то мере предавать – скажу даже так: у неё появились с годами некоторые слабости к отдельным людям. Но в целом это её заслуга.

Я позволю себе стихотворные цитаты. У Самойлова есть такие строчки (правда, имелись в виду литературные дела):

Вот и всё. Смежили очи гении.

<...>

Нету их. И всё разрешено.

Вот при Ольге Александровне очень многое не было разрешено. Она оказывала сдерживающее влияние на разные нежелательные тенденции. И я думаю, что будет очень хорошо, если мы будем, сколько можно, эту традицию, идущую от неё, поддерживать.

В заключение я хочу сказать что-то личное. Поверить в то, что Ольги Александровны нет, как-то невозможно. Я это понял, когда её не стало. Она действительно как бы пронизывала каждого из нас. И если вспомнить Ахматову, с которой, как я говорил, она была близка, то у Ахматовой есть такая строчка в стихотворении, посвященном её давней умершей подруге:
...не может быть, ведь ты была всегда.

Вот я думаю, что Ольга Александровна будет с нами всегда.

III. Письмо, зачитанное на вечере памяти О.А. Ладыженской в ПОМИ, январь 2007 г.

Дорогие друзья!

Мне, конечно, хотелось бы сегодня выступить с воспоминаниями об Ольге Александровне. Но это оказалось для меня уже невозможным. Поэтому я специально коснусь того, где в Санкт-Петербурге жила Ольга Александровна. Она последовательно жила в пяти разных квартирах. Из них все нечетные были на Васильевском острове. Ольга Александровна тяжело переносила нашу зиму, поскольку ей было здесь очень темно. Двум ее последним квартирам я посвятил небольшие стихотворения. Первое из них можно назвать «Седьмая Рота» (Измайловского полка)⁸⁾, а второе посвящено ее последней квартире на 2-й линии Васильевского острова. Первое стихотворение написано ко дню ее рождения 7 марта 1988 года.

СЕДЬМАЯ РОТА

Какая жалость, кофе нет в продаже!
Но до утра достанет сигарет...
Мерещится, сплетается, и даже
Узоры оживают на ковре.

Ничьи-то вздохи в задремавшем коридоре,
И глупости свои бормочет кран.
Не с призраками – с формулами спорить,
И оттянуть развязку до утра.

Одна из комнат ее квартиры на 2-й линии выходила на торец и сад Академии художеств, где работал ее дед по отцу⁹⁾. Его имя известно в истории живописи. Ольга Александровна весьма ценила, что живет в таком историческом месте. Стихотворение написано по поводу ее новоселья, даты я точно не помню.

ВТОРАЯ ЛИНИЯ

Ну что ж, теперь из вашего окна
Вид на историю. Пустынно и бессонно.
Здесь разные стеснились времена,
И прошлое как будто благосклонно.

⁸⁾ Седьмая рота – старое название 7-й Красноармейской улицы. – *Прим. ред.*

⁹⁾ См. сноску 1). – *Прим. ред.*

О будущем беспечно говорить
Не следует. История пунктиром
Прошьет и нас. Связующая нить
Подтянется, покончат дело миром.

И снова чье-то бледное окно,
И за окном былое, как отрада.
Как наважденье. Главное, не надо
Вникать в детали. Впрочем, все равно.